

буржуазные собственники и выскочки не только не осуществляют идеалы, провозглашенные вынесшей их на поверхность революционной волной, но и бесстыдно их prostituiруют, критический реализм все-таки обращал свой взгляд в прошлое. А социальная революция XIX века, тоже по Марксу, «могла черпать свою поэзию только из будущего». Она — пророчески предвещал Маркс — «не может начаться прежде, чем она не покончит со всякими суеверными почитаниями старины. Прежние революции нуждались во всемирно-исторических воспоминаниях прошлого, чтобы обмануть себя насчет *своего* собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы»¹.

Таким образом эстетическая концепция пролетарской поэзии была гениально предвещена. Специфическая существенная черта, которая отличала ее от всех остальных литературных течений того времени, заключалась в том, что, рождаясь от жизни, она, органически и стихийно, стремилась к выражению, в котором содержание всегда было бы «выше фразы».

С момента зарождения пролетарской поэзии прошло почти сто лет, но основные ее вопросы остались, в их главных координатах, теми же самыми.

Если христианство проповедывало отыскание счастья через признание неперемennого характера общественной иерархии, вследствие которого у человека не было другого выхода кроме принятия действительности такой, как она есть, различные течения, питающиеся буржуазной идеологией, призывают к тому же примирению, спекулируя на идеализированных представлениях о буржуазном порядке и, значит, продолжают в этом искаженном виде традицию, унаследованную от предшественников. Если буржуазный порядок рационален и естествен, несовершенства, бытующие в мире (включая те отвратительные явления, которые свидетельствуют об обезчеловечивании человеческой жизни под влиянием буржуазных отношений), неизбежны, они, мол, присущи человеку и бороться против них напрасно. Чтобы быть счастливым, человек не должен стремиться к облагораживанию и укреплению действительности (как этого требовал Горький), а должен свести свои стремления на уровень того существования, которое ему обеспечивает господствующая буржуазия. Если же это существование все больше напоминает существование животных, значит, и человек, чтобы быть счастливым, все больше должен был вести себя как животное. Отсюда интерес модернистских течений различных оттенков к «низшим» слоям существования — инстинкту, слепой страсти, подсознательному, мании и психозу. Бесславная миссия модернистского искусства заключается в том, чтобы доказать человеку, что существование, лишенное высоких человеческих стремлений, не так уж дурно, что человек, лишенный возможности проявить себя в творческом труде, может все-таки компен-

¹ К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, *Избранные произведения* в двух томах, том I, ОГИЗ, Москва, 1948, стр. 214.